

6

Эволюция идеи социальной справедливости: К вопросу о взаимосвязи и преемственности элементов и этапов (с древних времен до появления марксизма)

А. А. Штырбул

Мог ли повлиять на возникновение марксизма (и служить его отдаленным источником) теоретический и практический опыт, скажем, «крестьянской республики Ямасиро» в Японии (XV в.), средневековых буддийских сект и возникших на их основе справедливых общественных очагов в Китае, Японии, Вьетнаме (XV–XVI вв.), китайских крестьянских восстаний древности и раннего Средневековья, государств даосов, хариджитов, карматов, павликиан и ряд других аналогичных явлений истории Древнего и средневекового Востока, о которых К. Маркс и Ф. Энгельс, скорее всего, ничего (или почти ничего) не знали? На этот и подобные вопросы большинство исследователей марксизма и марксистского социализма – из числа как сторонников, так и противников данного учения – ответят, вероятно, отрицательно. Однако рискнем утверждать, что этот опыт все же на него повлиял.

Ключевые слова: эволюция идей, социальная справедливость, историческая преемственность, утопии и утопизм, марксизм.

Историки и обществоведы, занимавшиеся проблемами утопии, социального утопизма и утопического социализма, в 1960–1980-е гг. довольно бурно спорили, где кончается предыстория и начинается история социализма; что и с какого времени уже можно считать утопическим социализмом (и предшественником марксизма), а что нет. В постклассическом марксистском, в первую очередь советском, общественном сознании сложились два основных подхода к пониманию предпосылок и источников марксизма и научного социализма.

Одни исследователи (В. П. Волгин, Б. Ф. Поршнев, М. А. Барг, Г. С. Кучеренко [Федоров], Б. М. Руколь, П. Я. Мирошниченко, М. П. Капустин и др.) относили появление элементов социалистических идей ко

времени зарождения классовых отношений и антагонистических обществ. Согласно этому подходу, социалистические идеи имеют свою древнюю, средневековую, новую и новейшую историю. Конечно, сторонники данного подхода признавали, что применительно к Античности и Средневековью можно говорить лишь об элементах социалистических идей. И только затем «зарождение, становление и закат капитализма, появление на исторической арене пролетариата ведут к превращению этих элементов в развернутые системы, создают предпосылки для превращения социализма из утопии в науку, а затем и в практику социалистического строительства» (Федоров [Кучеренко] 1969: 166).

Другой подход был основан на мнении, что зарождение утопического социализма следует относить только к эпохе капитализма и появления пролетариата (А. И. Володин, Э. С. Виленская, Н. Е. Застенкер, А. Э. Штекли и др.). Так, А. Э. Штекли полагает, что собственно социализм и коммунизм, пусть и утопические, возникли самое раннее лишь на рубеже XVIII–XIX вв. как идейное выражение реальной борьбы разнообразных социальных сил с негативными последствиями торжества капиталистического способа производства и господства буржуазии, а все, что было до этого, в том числе и идеи Т. Мора, Т. Мюнцера, Т. Кампанеллы, – не более чем туманные социальные утопии, к социализму отношения не имеющие (Штекли 1993: 3–5, 269–270). «...Многообразные проявления народных мечтаний о “золотом веке”, – считает Н. Е. Застенкер, – не могут служить обоснованием для весьма натянутых националистических построений о якобы существующем сквозном “континуитете” между уравнительными и общинными идеалами Древнего Китая и других стран Азии и научным социализмом. В действительности между ними невозможно провести какой-либо непрерывной связи» (Застенкер 1985: 61). Но не слишком ли категорично, и не вновь ли перед нами рецидивы европоцентризма?

При таком подходе у его оппонентов закономерно возникает ряд вопросов. «Если социалистическая идея, в том числе в утопической форме, социально связана только с укоренением капиталистических отношений и с пролетариатом, то как можно объяснить возникновение бесспорно социалистических требований (разумеется, утопических) в некоторых крестьянских движениях и средневековых ересьях, появление социалистических идеалов Томаса Мюнцера, Жана Мелье, великих русских революционных демократов, отразивших в своем творчестве – каждый в свое время – думы и чаяния не пролетариата, а крестьянства?» (Федоров [Кучеренко] 1969: 166–167). И как быть с проблемой идейной преемственности и преемственности опыта классовой борьбы в истории человечества?

«Происхождение некоторых социалистических идей можно возвести еще к Библии, но основные интеллектуальные истоки марксизма лежат в немецкой философии, английской политической экономии и французском утопическом социализме», – отмечает один из ведущих философов-марксистов США Бертелл Олман (2007: 97). В данном выводе важно то, что между Библией и французским утопическим социализмом автор признает

существование некоего идейного континуитета и определенной преемственности. «Социалистическое движение в его современном виде тесно связано с развитием промышленного капитализма и насчитывает всего около ста лет, – отмечал в конце 1920-х гг. В. П. Волгин. – Но зачатки социалистической мысли восходят к весьма отдаленному времени. История социализма в известном смысле может быть названа историей общественного самопознания человека. Возникновение первых элементов социализма совпадает с началом размышления человека об обществе. Разрушение натурально-хозяйственных отношений, появление неравенства и эксплуатации уже очень рано вызывают рефлексию по поводу зол общественного строя и по поводу того, каким он должен был бы быть, чтобы всем жилось хорошо» (Волгин 1928: 9). «Неразрывную цепь преемственности» социалистических идей аргументированно отстаивал философ М. П. Капустин (1988: 155–156).

Широко известно образное выражение В. И. Ленина о том, что марксизм возник не в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации (Ленин 1976: 40). Таким образом, по Ленину, вся предшествующая история – и в реальности, и в ее научном отражении – вела к возникновению научного социализма (реализовавшегося в виде марксизма), который опирался на ряд исторических источников и предшественников, в том числе и на социалистические учения, у которых, в свою очередь, объективно и неизбежно должны были быть свои источники и свои предшественники, и так далее в прошлое. Поэтому когда В. И. Ленин в той же работе говорит о трех научных источниках марксизма, в том числе и об утопическом социализме начала XIX в., то резко нижнюю черту не подводит, говоря и о XVIII в. В другом документе он данную мысль универсально конкретизирует: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (Он же 1978: 329). И эту диалектическую формулу смело можно применять к изучению любых исторических явлений, в том числе истории социалистических идей и практик. «Коммунизм не доктрина, а *движение*. Он исходит не из принципов, а из *фактов*. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или иную философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах» (Маркс, Энгельс 1955: 281). Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс, создавая свое учение, не могли знать всех без исключения фактов классовой борьбы в мировой истории, всех идей угнетенных, всех попыток (начиная с древности) создания справедливых обществ, но главное, что они знали: *человечество на всем протяжении классового общества стремилось к справедливости*. Разумеется, для возникновения и развития марксизма особенно важны результаты непосредственно предшествующей ему эпохи и фон его современности: только благодаря экономическим, общественным и научным достижениям этого периода марксизм мог появиться на свет. Но в приведенном положении Ф. Энгельса важно и другое: «весь ход предшествующей истории»!

Но мог ли повлиять на возникновение марксизма (и служить его отдаленным источником) теоретический и практический опыт, скажем, «крестьянской республики Ямасиро» в Японии (XV в.), средневековых буддийских сект и возникших на их основе справедливых общественных очагов в Китае, Японии, Вьетнаме (XV–XVI вв.), китайских крестьянских восстаний древности и раннего Средневековья, государств даосов, хариджитов, карматов, павликиан и ряд других аналогичных явлений истории древнего и средневекового Востока, о которых К. Маркс и Ф. Энгельс, скорее всего, ничего (или почти ничего) не знали? На этот и подобные вопросы большинство исследователей марксизма и марксистского социализма – из числа как сторонников, так и противников данного учения – ответят, вероятно, отрицательно. Однако рискнем утверждать, что этот опыт все же на него повлиял.

В истории ничто и никогда не проходит бесследно, в том числе теоретический и практический опыт классовой борьбы, а также параллельно развивающийся (и часто переплетающийся с ним) поиск справедливого и гармоничного общественного идеала. И первое, и второе постепенно откладываются в письменных источниках, устном народном творчестве, наконец, возможно, в генетической памяти поколений, а может быть, и в информационном поле (если таковое действительно существует). Также постепенно (и незаметно) соответствующий опыт может путешествовать по планете, что и происходило еще задолго до возникновения Интернета (хотя, понятно, гораздо медленнее). И если в истории социальных идей и в их эволюции отдаленными предшественниками научного социализма так или иначе признаются религиозные бунтарские ереси и аналогичные общественные очаги античной и средневековой Европы и околеевропейского пространства, то почему должно быть отказано в этом аналогичным идеям и практикам Древнего и средневекового Востока? Только лишь потому, что марксизм возник в Европе? Но еще в глубокой древности и затем на протяжении многих веков по торговым путям (в том числе по Великому шелковому пути) вместе с людьми путешествовали, как доказал Л. Н. Гумилев, не только товары, но и идеи (Гумилев 1992а; 1992б). Непрерывность, преемственность и взаимосвязь социальных идей и практик Запада и Востока порой трудно проследить, но это вовсе не значит, что их не было. К настоящему времени собрано уже достаточно исторических фактов, чтобы сделать вывод: на всех отрезках времени и на всех этапах развития идей и практик социальной справедливости существовала своя определенная преемственность и своя глобальная взаимосвязь, пусть и не всегда на первый взгляд очевидная и различимая. Поэтому нельзя исключать, что какие-то из них напрямую или же в некоем преломлении проникли в Европу, став в той или иной мере источниками дальнейших, уже европейских идей и систем социальной справедливости.

Одним из примеров такого проникновения может служить судьба манихейства (учения, зародившегося в Иране в III в. н. э. и затем получившего распространение и дальнейшее развитие на Востоке – от Византии до

Китая). В данном весьма спорном и неоднозначном учении определенное место занимали еретические элементы социальных идей, обогащенных национальными «еретическими» чертами и представлениями восточных обществ (Беер 1927: 124–125; Иванов 1952: 28–29). По замыслу основоположника манихейства пророка Мани его учение должно было стать всеобщей религией и заменить собой все существующие культы. Поэтому в манихействе имелись элементы, заимствованные и от зороастризма, и от христианства, и от буддизма. Сам Мани, спасаясь от преследований, покинул Иран и в качестве миссионера побывал в Туркестане, Центральной Азии, Индии и Китае, всюду проповедуя свое учение (по другой версии, был казнен, а проповедническую деятельность вел уже другой человек, взявший то же имя). В 270 или 273 г. Мани вернулся на родину, но вскоре был схвачен и казнен, вероятно, в 276 или 277 г. Последовавшие затем новые гонения на манихеев заставили их эмигрировать за пределы Сасанидской державы (в Византию и Центральную Азию), где они продолжали вести свою проповедь (Иванов 1952: 28–29; Лобач, Легчилин 2001: 599). В домонгольском Китае и Тангутском царстве манихеи, когда того требовали обстоятельства, маскировались под буддистов, иногда вплоть до полного слияния с ними (Гумилев 1992а: 37). Уже в период раннего Средневековья идеи манихейства через Византию постепенно проникли в Европу (Андреев 1995: 83, 84; Каратини 2010: 17–22). Из Китая на Запад подобным образом могли проникнуть отдельные элементы социальных концепций буддизма, даосизма, из Индии – буддизма и индуизма. Попав в Византию, а затем в средневековую Европу вместе с манихейством, эти идеи были способны в какой-то мере повлиять на формирование еретических проманихейских учений павликиан, богомилов, катаров, а те, в свою очередь, спустя столетия отчасти повлияли на так называемые евангелические ереси, в том числе на анабаптистов, левое крыло которых марксизм, хотя и с оговорками, причисляет уже к носителям первых, пусть и примитивных, зачаточных, но все-таки реальных коммунистических идей и практик.

Подобным же образом одно из направлений христианства – несторианство, распространенное в раннем Средневековье очагами на огромной территории от Ближнего до Дальнего Востока (Гумилев 1992а: 32–36, 84–85; 1992б: 164, 266), – могло заимствовать некоторые элементы социальных идей буддизма, даосизма, ислама и служить каналом переброски или, точнее, просачивания данных элементов в средневековую Европу.

Нити преемственности и взаимосвязи бывают видимые и невидимые, явные и неявные. «У любой мысли всегда есть продолжение», – считали античные мудрецы. Поэтому не стоит преувеличивать дискретность, прерывистость в истории вообще и в истории идей и практик в том числе. По В. С. Готту, «материальные объекты, процессы и явления характеризуются диалектическим единством прерывного и непрерывного»; более того, «прерывность – условие существования и развития непрерывности» (Готт 2012: 459, 460). История эволюции и судьбы идей социальной справедливости, оптимального и гармоничного общественного идеала, конеч-

но, не исключение. Определить, каким образом, когда и как осуществлялись в каждом отдельном случае эти взаимосвязи и эта преемственность, «непрерывность через прерывность» – задача будущих исследователей, но уже и сейчас ясно, что историческая наука располагает сегодня на этот счет огромным, хотя пока еще разрозненным фактическим материалом.

Идеи развиваются и передаются в своеобразном информационном пространстве, где все взаимосвязано, как и в истории вообще. Причинно-следственные связи бытия, видимо, гораздо глубже, чем мы себе можем пока представить. Это, кажется, в полной мере можно отнести и к преемственности опыта социального сопротивления и идей социальной справедливости. Полумифические представления эксплуатируемых масс периода ранних классовых обществ о далеком «золотом веке» всеобщей справедливости в различных преломлениях легли в основу многих эгалитарных теорий и практик периода Древнего Востока, Античности, Средневековья и даже начального периода Нового времени. Так, сопротивляясь процессу феодализации, крестьяне и раннего, и позднего Средневековья (как правило, неграмотные, задавленные нуждой и, казалось бы, совершенно не способные к самостоятельному социальному творчеству), идеологически обосновывая свое движение, взывали к полумифическим «старому закону», «старой правде», «старому обычаю», сохранявшимся в памяти народной в течение столетий (Поршнева 1964: 399); на практике такое сопротивление, отчасти являясь консервативным, несло и прогрессивные социальные черты, которые парадоксальным образом вели к тому, что можно выразить формулой «Назад в будущее». Самые яркие примеры из этого ряда – Исландия «эпохи народоправства» (X – первая половина XIII в.), где переселенцы из феодальной Европы в течение долгих 300 с лишним лет не допускали феодализации (Ольгейрссон 1957), и Швейцарская конфедерация начального, «героического периода» (конец XIII – XV в.), где уже начавшаяся феодализация была остановлена и не прошла (Ван-Мюйден 1898). Или вот несколько иной пример преемственности и взаимосвязи идей, в данном случае социально-еретических: судьба эгалитарно-аскетической секты вальденсов, сыгравшей заметную идейно-политическую роль в Западной Европе в антикатолическом и антифеодальном сопротивлении периода развитого (классического) Средневековья. Считалось, что данная евангелическая с элементами манихейства (Карсавин 1993: 324) секта была окончательно искоренена (в ее классическом, радикальном виде) в XV в., однако она «неожиданно» и громко напомнила о себе через 200 лет, в середине XVII в., в Северной Италии, в основном в Савойе, где вернулась к своей прежней роли: стала идейно-политическим знаменем антифеодального движения и восстания местных крестьян (Сказкин и др. 1964: 289–290). Характеризуя социально-психологический настрой исландцев периода «народоправства» и, в известной мере, всех тех жителей Средневековой Европы, которые посмели «замахнуться» на устоявшиеся феодальные порядки и попытались выдвинуть социальную альтернативу, исландский историк Э. Ольгейрссон пи-

сал: «Мы, люди нового времени, не должны думать, будто мечты этих людей были менее дерзновенными, чем наши» (Ольгейрссон 1957: 67).

«Природа нового парадоксальна: ничто не ново в этом открытом креативном, т. е. постоянно творящем новое, мире» (Князева, Курдюмов 2002: 134). Интересно, что в момент написания и выхода «Манифеста Коммунистической партии» (1847–1848 гг.) на севере Индостана все еще существовало (правда, доживало свои последние годы и в значительной мере уже переродилось) выросшее из времен Средневековья государство сикхов (созданное трудящимися – ремесленниками, крестьянами, мелкими торговцами), а спустя всего лишь три года в Китае в результате грандиозного антифеодального восстания возникло крестьянское государство тайпинов, своими традициями также уходящее в далекое прошлое. Идея справедливого общества витала в воздухе и реализовывалась в зависимости от исторических, национальных и цивилизационных условий. Но все же все ее варианты, несмотря на их непохожесть, как и ранее, до марксизма, так и одновременно с ним шли, как говорят военные, в «сходящихся направлениях». Недаром классики марксизма дали китайским тайпинам довольно высокую историческую оценку и, в частности, писали: «Пусть китайский социализм имеет такое же отношение к европейскому, как китайская философия к гегелевской. Все же отрадно, что самая древняя и самая прочная империя в мире, под воздействием тюков ситца английских буржуа, за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации» (Маркс, Энгельс 1956: 234).

Существует, видимо, вектор, а возможно, и цельная *программа* движения человечества к оптимальному, справедливому, гармоничному обществу, и эта программа проявляется не только линейно, в смысле медленного и постепенного, эволюционного развития общественного прогресса в целом, но и нелинейно, в повторяющихся (в разное время и в разных формационных и цивилизационных условиях) многочисленных радикальных попытках создания теоретических проектов и практических очагов такого общества в ходе классовой борьбы (Штырбул 2010). «Хотя действие разума в известных узких пределах и неодинаково, он неизменно стремится к одним и тем же идеалам», – считал Л. Г. Морган (1934: 329). Возможно, подтвердить это могла бы дальнейшая разработка проблемы информационного поля, природа которого пока не вполне ясна, а кто-то и вообще ставит под сомнение его реальность, но целый ряд фактов и доводов свидетельствует в пользу его реального существования и функционирования. В научной разработке самых разных исследований в русле проблемы информационного поля в целом сегодня находятся: единый и цельный информационный континуум; синергетическая программа саморазвития человеческого общества (и мироздания в целом); генетическая память с генетическим кодом; другие подобные проблемы. Тысячелетние наблюдения и размышления древних как будто бы тоже свидетельствуют в пользу чего-то подобного. Это «что-то», существующее, возможно, объ-

ективно, но и до сих пор трудноуловимое, они пытались осмыслить и отобразить в силу своих возможностей: «Книга Судеб», «меон», «Хроники Акаши», «связь времен», «идеи носятся в воздухе», «ангел библиотеки», «рукописи не горят».

Разумеется, следует различать социальный утопизм и утопический социализм (и здесь, безусловно, нужно согласиться с А. Э. Штекли, который в своих работах это утверждает), но нельзя не видеть, что последний на определенном этапе возник из первого, а научный социализм, марксизм, тоже на определенном этапе возник, имея одним из основных своих источников и предшественников социализм утопический. И нельзя не признать, что и социальный утопизм, и утопический социализм как его этап, и пришедший на смену последнему научный социализм (в виде марксизма) – все они, каждый по-своему, в зависимости от исторических условий и возможностей, решали проблему реализации принципа социальной справедливости и создания оптимального и справедливого общественного устройства. В этом их определенная общность и в этом их последовательная преемственность. У каждого из них была своя предыстория, были различные источники. Порой трудно проследить, у кого какие конкретно, но важно понять тот принцип, что на всех отрезках времени и на всех этапах развития идеи и практики социальной справедливости существовала своя преемственность, и все «ручейки» рано или поздно передавали свое содержимое, или хотя бы его часть, в общее русло.

Объявив марксизм очередной социальной (социалистической, коммунистической и даже «религиозной») утопией, исследователи правoliberalного направления, видимо, очень поторопились. Но даже и это поспешное их заключение подтверждает, пусть косвенно (и помимо их воли), преемственность и взаимосвязь в исторической эволюции всех существовавших ранее и существующих сегодня социалистических идей.

Библиография

- Андреев И. Д. 1995.** Манихейство. *Христианство: энциклопедический словарь:* в 3 т. Т. II, с. 81–84. М.: Большая Российская энциклопедия.
- Беер М. 1927.** *Всеобщая история социализма и социальной борьбы.* М.; Л.: Госиздат.
- Ван-Мюйден. 1898.** *История швейцарского народа.* Т. I. СПб.: Изд-е Л. Ф. Пантелеева.
- Волгин В. П. 1928.** Введение. *Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений,* с. 9–13. Ч. I. М.; Л.: Госиздат.
- Готт В. С. 2012.** Отражение прерывности и непрерывности материального мира в познании. *Неизбежность нелинейного мира: К столетию со дня рождения В. С. Готта,* с. 437–460. М.: Гуманитарий.
- Гумилев Л. Н. 1992а.** *В поисках вымышленного царства.* М.: Т-во Клышников, Комаров и Ко.

- Гумилев Л. Н. 1992б. *Древняя Русь и Великая Степь*. М.: Т-во Клышников, Комаров и Ко.
- Засгенкер Н. Е. 1985. *Очерки истории социалистической мысли*. М.: Мысль.
- Иванов М. С. 1952. *Очерк истории Ирана*. М.: Госполитиздат.
- Капустин М. П. 1988. От какого наследства мы отказываемся? *Октябрь* 5: 155–156.
- Каратини Р. 2010. *Катары: Боевой путь Альбигойской ереси*. М.: Эксмо.
- Карсавин Л. П. 1993. Вальденсы. *Христианство: энциклопедический словарь*: в 3 т. Т. I, с. 323–327. М.: Большая Российская энциклопедия.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. 2002. *Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры*. СПб.: Алетейя.
- Ленин В. И. 1976. Три источника и три составные части марксизма. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 23, с. 40–48. М.: Политиздат.
- Ленин В. И. 1978. [Письмо] И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 49, с. 328–334. М.: Политиздат.
- Лобач В. В., Легчилин А. А. 2001. Манихейство. *Всемирная энциклопедия: Философия*, с. 599–600. М.: АСТ; Минск: Харвест.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1956. Первый международный обзор. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*: в 50 т. 2-е изд. Т. 7, с. 224–237. М.: Госполитиздат.
- Морган Л. Г. 1934. *Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР.
- Ольгейрссон Э. 1957. *Из прошлого исландского народа: Родовой строй и государство в Исландии*. М.: Ин. лит-ра.
- Олман Б. 2007. Что такое марксизм? Взгляд с высоты птичьего полета. *Альтернативы* 1: 96–106.
- Поршнев Б. Ф. 1964. *Феодализм и народные массы*. М.: Наука.
- Сказкин С. Д., Поршнев Б. Ф., Кирова К. Э. 1964. Испания, Португалия и Италия в XVII–XVIII вв. *Новая история*. Т. I. 1640–1789, с. 280–298. М.: Соцэкономиздат, Мысль.
- Федоров [Кучеренко] Г. С. 1969. О народных истоках утопического социализма. *Новая и новейшая история* 1: 166–167.
- Штекли А. Э. 1993. *Утопии и социализм*. М.: Наука.
- Штырбул А. А. 2010. *Государства и общества трудящихся: историческое наследие*. Кн. I. *С древних времен до начала XX века*. Омск: Изд-во ОмГПУ.
- Энгельс Ф. 1955. Коммунисты и Карл Гейнцен. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 4, с. 268–285. М.: Госполитиздат.